

В. И. ЛАН

США от Первой до Второй мировой войны*

*Глава девятая
От кризиса до войны. Франклин Рузвельт*

Сравнение с предыдущими президентами. Рузвельт — загадка. Родословная. Детство. Гротонская школа. Гарвардский и Колумбийский университеты. Элеонора Рузвельт.

Сенатор Нью-Йорка. Помощник морского министра. Болезнь. Губернатор. Кандидат в президенты. Общение с населением. Подбор ближайших сотрудников. Влияние Джефферсона. Мысли о реформах. Товарищ Сталин о Рузвельте

Франклин Рузвельт — 32-й президент США. Он пятый и последний из тех президентов, жизнь и деятельность которых мы рассматриваем. Каждый из его четырех предшественников сильно отличался от остальных, и все они вместе резко отличаются от Рузвельта. После Авраама Линкольна правительство США не возглавлял еще такой крупный государственный деятель, и до Линкольна лишь два президента — Вашингтон и Джефферсон — измерялись такими масштабами, какими характеризуется Рузвельт.

Франклина Рузвельта сравнивают часто в Америке с Рузвельтом Теодором. Помимо далеких общих предков биографии обоих действительно во многом совпадают: оба — воспитанники Гарвардского университета, оба — талантливые ораторы, оба были помощниками морского министра и губернаторами Нью-Йорка, оба баллотировались в вице-президенты и оба были президентами США. Но никогда Рузвельт Теодор не имел такой

* Впервые: Институт мирового хозяйства и мировой политики. М., 1947. С. 326–349. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

опоры в стране, какую имел Франклин Рузвельт. Первый тщетно пытался получить третье президентство. Второй одержал победы на президентских выборах четыре раза. До 1940 г. никто не избирался в президенты более двух раз, и никогда ни один человек не собирал на выборах в США столько голосов, сколько собирал Франклин Рузвельт.

Рузвельта сравнивают также с Вильсоном: оба были лидерами демократической партии, оба возглавляли правительство США во время мировых войн, оба они выступали глашатаями организации международной безопасности. Но когда мы подводим итоги деятельности обоих в Белом доме, перед нами встают несравнимые величины. Недаром некоторые сопоставляют эти две политические фигуры как противоположности: «Вильсон был ученый. Рузвельт — наблюдатель. Вильсон не любил людей, и ему трудно было иметь дело с ними. Рузвельт любит людей и находит общий язык почти с каждым. Вильсон любил быть наедине и часто бывал. Рузвельт не переносит одиночества и редко бывает один. Рабочий кабинет Вильсона был заполнен книгами, а Рузвельта — моделями кораблей. Вильсон читал и черпал большинство своих идей из книг. Рузвельт разговаривает и извлекает большинство своих идей из бесед. Вильсон был теоретиком демократии, но не демократом. Рузвельт не исследователь демократии, но большой демократ»*.

Эти слова печатались, когда наступило второе президентство Рузвельта. Автор приведенных строк оговаривается, что из его характеристики отнюдь не следует, что Рузвельт интеллектуально поверхностен. Наоборот, Рузвельт не был просто одним из президентов, а являлся одним из самых глубоких и образованных президентов США. Но в отличие от Вильсона Рузвельт не был догматиком. Он был человеком конкретных действий, а не отвлеченных идей.

Когда мы говорили о предшественниках Рузвельта, мы отметили, что Гардинг, например, имел много друзей и не имел врагов, а Кулидж не имел ни тех, ни других. У Рузвельта было много друзей и немало врагов.

15 февраля 1933 г., не успев еще Рузвельт после выборов сместить Гувера в Белом доме, как было совершено покушение на его жизнь. Он случайно уцелел. Сопровождавший нового президента

* *S. High. Roosevelt — and Then? New York 1937, p. 5–6.*

в автомобиле мэр Чикаго был убит. Четыре человека получили ранения. Когда развернулась президентская кампания 1936 г., американские газеты сообщили, что житель богатейшей улицы Нью-Йорка Парк Авеню был осужден за открытые угрозы убить Рузвельта.

Он вызывал к себе большую симпатию и яростную вражду, но редко кто к нему относился безразлично.

Для многих его биографов Рузвельт представляет загадку. Он родился и вырос в богатой семье. Вместе с тем американские богачи сплошь и рядом его ненавидели, называя его то «социальным ренегатом»*, то хитрым и жуликоватым**. Перед президентской кампанией 1936 г. они даже распространяли по стране шопотом «диагноз», что Рузвельт страдает умопомешательством***.

Рузвельт получил аристократическое воспитание. Его детские и юношеские годы протекали в роскоши и блеске, изолированно от окружающей действительности. Между тем с самого начала его политической деятельности он обнаруживал незаурядное понимание действительности. И его приверженцы, и его противники отмечали, что он умел угадывать и формулировать желания масс. В августе 1932 г. один известный нью-йоркский журнал писал, что Рузвельт «знает язык людей низших классов, тех людей, которые, в конечном итоге, подают подавляющее большинство голосов на выборах»****. О Рузвельте говорили, что он чувствителен к переменам в настроении населения, как некоторые люди чувствительны к переменам погоды.

Каждый автор книги или статьи о Рузвельте ищет в нем особенности, свойственные только великим людям, но каждый из них обыкновенно отмечает, что в первые три четверти своей жизни Рузвельт ничем особенно не выделялся. В 1932 г. один из американских публицистов, Вальтер Липпман, который одно время активно поддерживал внешнюю политику Рузвельта, описывал его, как «приятного джентльмена, совершенно не имеющего высокой квалификации, необходимой для президента». А газета «New York Times» назвала тогда Рузвельта «неопределенным, абстрактным и нерешительным».

* «New York Herald Tribune», 13.IV.1945.

** «Harper's Magazine», February 1944, p. 197.

*** M. Childs. They Hate Roosevelt. New York, 1936, p. 12.

**** «Current History», August 1932, p. 520.

Все биографы Рузвельта подчеркивают его привлекательный облик, его личное обаяние. Когда двадцативосьмилетний Рузвельт впервые победил на выборах, его соперники пытались объяснить эту победу только его внешностью. Один из них выразился: «Он красив, как греческий бог».

Рузвельт был 188 сантиметров ростом, с сильной шеей и атлетической грудью. У него были голубые, ясные глаза и очаровательная улыбка. Карикатуристы жаловались, что им трудно шаржировать черты лица президента, так как все они правильны.

На людей, общавшихся с ним, он производил впечатление человека добродушного и любезного, без претензий и притворства, человека с большой выдержкой и самообладанием, которого очень трудно рассердить. Его острый ум и здравый смысл подавляли противников, когда они сталкивались лицом к лицу с президентом. Один сенатор, который резко нападал на Рузвельта в конгрессе, после аудиенции у президента заявил: «У меня чувство человека, которому продали совершенно ненужный ему товар. Я не люблю этого чувства. Моей ноги больше не будет в Белом доме».

Орган оппозиционной, республиканской партии охарактеризовал Рузвельта как «величайшего оратора его времени, возможно, величайшего в истории страны. У него был живой ум. Он любил хорошую шутку и она ему давалась обыкновенно легче, чем другим людям»*. Он говорил красноречиво и убедительно. Яркий юмор, чистый, приятно тембра голос украшали его выступления у микрофона, которые слушали миллионы американцев.

Внешние достоинства, хотя они до мельчайших подробностей обрисованы в довольно богатой американской литературе о Рузвельте, имеют, однако, второстепенное значение для политической характеристики. В лагере его противников, в республиканской партии имеется немало блестящих ораторов с импозантной внешностью, с хорошим голосом и веселым юмором, которые мечтают о президентском кресле. Главная сила рузвельтовских речей была не в форме: он говорил о том, о чем широкие слои населения США хотели слушать. Но откуда такая сила у Рузвельта, какие события влияли на формирование его социально-политических взглядов? Эта сторона вопроса менее всего изучена.

* «New York Herald Tribune», 13.IV.1945.

Когда Рузвельту исполнилось десять лет, страна торжественно ознаменовала 400-летие открытия Америки. В своем окружении Рузвельт слышал о США только как о стране неограниченных возможностей, как о родине изобилия и счастья. Когда ему шел двенадцатый год, историческая забастовка, начавшаяся на пульмановских вагоностроительных заводах, охватила 23 линии. Железнодорожное движение было парализовано в 27 штатах. Отец Рузвельта имел крупные железнодорожные дела. Тревожные разговоры, проникли в поместье отца, и они не могли пройти мимо его наблюдательного и внимательного сына.

Рузвельт вступил в сознательную жизнь на рубеже двух веков и двух эпох, на рубеже, который Ленин охарактеризовал как «поворотный пункт от старого к новому капитализму»*. В 1900 г. Рузвельту исполнилось восемнадцать лет. Ему шел шестнадцатый год, когда заатлантическая республика, рожденная в конце XVIII столетия в освободительной войне восставших колоний, сама вступила на путь колониальных захватов. Ему был двадцать один год, когда Теодор Рузвельт, будучи президентом США, бесцеремонно отторг Панаму от Колумбии и когда комиссия конгресса США опубликовала ошеломляющие материалы о беспощадной расправе американских войск над борющимися за свою независимость филиппинцами. Эти события не могли не задеть пытливый и любознательный ум молодого Рузвельта, как не могли не влиять на его мировоззрение исторические события последующих лет: Первая мировая война и Великая Октябрьская революция в России.

Кое-какие детали дают представление об отношении юного Рузвельта к важным внутренним и международным политическим событиям. В 1900 г., за несколько недель до выборов республиканцев Мак-Кинлея в президенты и Теодора Рузвельта в вице-президенты США, Франклин Рузвельт поступил в Гарвардский университет. Новичок, сам еще не имея права голоса, обратился к президенту университета, известному в Америке Чарльзу Эллиоту, с просьбой голосовать против «кандидатов республиканской партии и империализма». Затем он развернул в университете энергичную кампанию за сбор средств в фонд помощи бурам в их войне с Англией.

* Ленин. Соч., т. XIX, стр. 107.

В Гарвардском университете и еще до университета Рузвельт обнаруживал взгляды, диаметрально противоположные его воспитанию. Не случайно его биограф Эрнест Линдлей подозревает, что «в поведении Рузвельта проявлялся внутренний протест против его холеного детства».

Рузвельт родился 30 января 1882 г. в имении его предков, в Гайд-Парке, расположенном на левом берегу Гудсона, в 100 километрах к северу от Нью-Йорка. После его смерти Гайд-Парк, поступивший согласно завещанию Рузвельта в собственность правительства США, объявлен национальной святыней.

Отец и мать Рузвельта происходили из старинных американских семей, родословные которых тянутся от голландских и фламандских переселенцев в Новый Свет первой половины XVII века. Рузвельт до конца своей жизни состоял членом Голландского общества в Америке. Первый Рузвельт — Клаас Мартенсен — прибыл в Новый Амстердам вскоре после того, как это поселение было основано голландцами на месте нынешнего Нью-Йорка. Тогда же к берегам нынешнего штата Массачусетс причалил фламандский мореплаватель Филипп де-ла-Ной (Делано). Филипп был первым американским предком Сарры Делано, матери президента, который носил фамилии обоих родителей и назывался Франклин Делано Рузвельт.

Рузвельты играли заметную роль в общественной жизни Нью-Йорка. Сын Клааса Николай дважды избирался олдерменом. От двух сыновей Николая — Иоганна и Джейкоба — расходятся две ветви семьи Рузвельтов: от Иоганна — к Теодору, а от Джейкоба — к Франклину Рузвельту. Сын Джейкоба Айзек активно участвовал в войне за независимость и был членом конституционного собрания. Правнук Айзека Джеймс, родившийся в 1828 г., был отцом Франклина Рузвельта.

Делано были крупными торговцами и судовладельцами. Отец Сарры Делано возглавлял большую чайную компанию. Во время гражданской войны между Севером и Югом он служил специальным представителем президента Линкольна в Китае. Среди сувениров Гайд-Парка хранится картина, изображающая корабль, на котором в 1862 г. семилетняя Сарра Делано ехала из Нью-Йорка в Гонконг.

Франклин Рузвельт появился на белый свет, по выражению лондонского «Times», как «любимое дитя фортуны». Его отец был вице-президентом железной дороги Делавер — Гудсон и президентом нескольких других дорог. Кроме образцового поместья

в Гайд-Парке он имел апартаменты в Нью-Йорке, летнюю резиденцию на острове Кампобелло в прохладном заливе Фанди у берегов Канады и многое другое. Франклин Рузвельт был единственным сыном своих родителей. Как только он родился, мать посвятила ему все свое время. И отец вскоре ушел от железнодорожных дел для того, чтобы уделить больше внимания любимому сыну.

Рузвельт родился с гарантированным богатством на всю жизнь. Многие располагали к тому, чтобы из него получился еще один бездельник, каких немало среди наследственных богачей в Америке. Но тунеядство не было в его натуре.

Под влиянием рассказов матери о своих предках-мореплавателях Рузвельт с ранних лет мечтал о морской карьере. Мать была его первым учителем. Юного Франклина воспитывали также французские и немецкие гувернантки. В школу его не пускали, пока Рузвельту не пошел пятнадцатый год. Ему организовали игры с детьми круга его родителей. Но он часто оставался один — единственный мальчик в огромном поместье без близких соседей. Тогда он жадно читал. Он очень любил историю, и больше всего его увлекали морские рассказы. Но он себя не утомлял книгами. Слишком много забавных развлечений было создано для него в Гайд-Парке. Его учили играть на рояли, ездить верхом, стрелять из ружья, плавать и управлять буером. Подростком он уже имел свою яхту. Воспитание Рузвельта напоминало скорее английское аристократическое, чем американское.

С трехлетнего возраста он совершал с родителями заграничные путешествия, а с семи лет ежегодно. Родители показывали Франклину достопримечательности Англии, Франции, Швейцарии, Германии, Голландии и Скандинавских стран.

Когда ему исполнилось пять лет, отец взял его с собой в Вашингтон, в гости к своему близкому другу, президенту США Кливленду. Кливленд сказал мальчику: «Молодой человек, я тебе желаю того, чего никто тебе не пожелает. Я надеюсь, что ты никогда не будешь президентом Соединенных Штатов».

В 1896 г. Рузвельта отдали в фешенебельную Гротонскую школу в штате Массачусетс. Здесь учились сыновья богатейших семей Америки. Впоследствии многие из его школьных товарищей стали его политическими врагами. В школе он активно участвовал в футбольной команде и в других спортивных кружках, пел в хору. Хорошая домашняя подготовка дала ему возможность закончить шестилетний курс в четыре года.

Из 150 учащихся Гротонской школы Рузвельт был единственным сторонником демократической партии. Демократы тогда не были в моде, тем более в аристократической школе. Известный босс республиканской партии Марк Ханна и Теодор Рузвельт выживали их из подобных заведений. В последние годы XIX века власть республиканцев была крепка в стране. Тогда считали, что только южанин или ирландец может быть демократом. В этой обстановке Рузвельт настойчиво подчеркивал свою принадлежность к демократической партии.

По окончании Гротонской школы Рузвельт, желая осуществить мечты детства, собирался поступить в морскую академию в Аннаполисе. Отец убедил его пойти в университет с тем, чтобы хорошо подготовиться к приему большого делового наследства. Осенью 1900 г. Рузвельт поступил в Гарвардский университет. Через два месяца умер его отец в возрасте 72 лет. Мать Рузвельта умерла спустя 41 год в возрасте 86 лет. Она дожила до начала третьего президентства ее сына.

В Гарварде Рузвельт показал свой живой, острый ум. На старших курсах выявились его журналистские способности. Он стал популярным как хороший редактор университетской ежедневной газеты «Гарвард Кримсон». Но профессура не считала его блестящим студентом.

После Гарвардского университета Рузвельт с 1904 до 1907 г. специализировался в области права в высшей юридической школе Колумбийского университета в Нью-Йорке. Не сдав одного из выпускных экзаменов, Рузвельт не получил присуждаемой Колумбийским университетом степени, но был принят в адвокатуру и занялся в 1907 г. юридической практикой.

В 1905 г. он женился на Элеоноре Рузвельт, племяннице президента Теодора Рузвельта, с которой он дружил с детства. Впервые они встретились, когда ему было четыре, а ей два года. Элеонора Рузвельт, энергичная, с хорошим образованием и широкими общественными интересами сыграла немалую роль в карьере своего мужа. В годы президентства Рузвельта она была наиболее активной и выдающейся из всех ее предшественниц в Белом доме. Она редактировала журнал, писала много статей, вела широкую филантропическую деятельность, регулярно выступала по радио, выступала также часто перед многочисленными аудиториями в различных городах США, неоднократно объездила страну на автомобиле и облетала ее на самолете. Она темпераментно проявляла

свою политическую активность, что раздражало известные круги в Америке, В США говорили, что никогда в прошлом ни одна женщина не привлекала столько голосов за и против кандидата в президенты, сколько Элеонора Рузвельт.

В 1907–1910 гг. Рузвельт, занимаясь адвокатурой не из-за нужды в заработке, посвятил много времени морскому праву, той области юриспруденции, которая была ближе к делам, интересовавшим его с детства. За эти годы Рузвельт хорошо изучил и узнал адвокатов, играющих большую роль в государственной и партийной жизни США. Еще лучше он знал богачей, на которых адвокаты в Америке работают. Он не питал уважения ни к тем, ни к другим. Его отталкивала циничная надменность пустых и невежественных богачей, жаргон биржевых брокеров и постоянные разговоры о деньгах.

В 1910 г. Рузвельт охотно расстался с адвокатурой. В это время организация демократической партии графства Датчесс, где расположен Гайд-Парк, решила выдвинуть кандидатуру Рузвельта в сенат штата Нью-Йорк. Выдвижение казалось чисто почетным без каких-либо шансов на успех. Графство Датчесс считалось твердыней республиканской партии. Раньше при жизни Рузвельта никогда демократы там не побеждали. И даже в 1936 г., когда Рузвельт победил в 36 из всех 48 штатов, избирательный округ Датчесс отдал большинство голосов республиканцам. Но в 1910 г. Рузвельт, объехав сам избирателей, убедил большинство голосовать за него. В 1912 г. его переизбрали в сенат штата с еще большим успехом. В этом году он играл большую роль в президентской кампании. Тридцатилетний Рузвельт вышел на общеамериканскую политическую арену.

С первых же дней его пребывания на выборном посту Рузвельт обнаруживал взгляды и приемы, характерные для всей его дальнейшей государственной деятельности,

Вступая в 1910 г. впервые в борьбу за победу на выборах, Рузвельт заявил: «Я принимаю выдвижение своей кандидатуры абсолютно независимым. Я никому никаких обязательств не выдал и не нахожусь под влиянием чьих-либо особых интересов. Таким я останусь. Если меня выберут, я отдам все свое время для служения населению моего избирательного округа»*.

* P. O. Brien. Forward with Roosevelt. Chicago 1936, p. 24.

В сенате штата Рузвельт сразу развернул борьбу против коррумпированного партийного аппарата, направляемого клубом Таммани-Холл. Известный босс Таммани Мэрфи контролировал через кокус партийную фракцию демократов в законодательном собрании (тогда сенаторы США выбирались еще законодательными собраниями штатов). Мэрфи выдвинул в сенаторы кандидатуру своего человека — Шигена. Рузвельт, ознакомившись с прошлым Шигена, организовал оппозицию в законодательном собрании и после напряженной трехмесячной борьбы провалил ставленника Мэрфи. Смелость молодого сенатора Нью-Йорка, бросившего вызов сильному и властному Мэрфи, диктаторствовавшему в партийной организации штата, вызвала удивление. Тогда Рузвельт сказал: «Я ничего так не люблю, как хорошую политическую схватку»*.

В сенате Нью-Йорка Рузвельт начал кампанию против энергетических трестов, которую он продолжал спустя много лет в должности губернатора штата и на посту президента США. В том же году, когда Рузвельт родился, Эдисон пустил первую центральную электростанцию. Век Рузвельта — век электричества. Мысли о грядущей роли нового источника энергии и света увлекали его, как морские рассказы. С первых дней своей политической деятельности он проповедовал удешевление производства и распределения электричества. Он выдвигал этот вопрос как важнейшую общеамериканскую задачу. С электрификацией страны и строительством гидроэлектростанций были связаны дальнейшие экономические мероприятия и идеи Рузвельта. В 1912 г., когда Рузвельта переизбрали в сенат Нью-Йорка, Инсул организовал в Чикаго «Средне-западную компанию общественных услуг» с целью монополизировать электричество в ряде штатов. Рузвельт принимал в сенате штата все меры к тому, чтобы проектировавшееся большое гидроэлектростроительство на реке Св. Лаврентия не стало добычей частных монополий.

В 1912 г. Рузвельт отстаивал кандидатуру Вильсона в президенты. Он организовал с этой целью конференцию в Нью-Йорке и стал затем председателем комитета содействия выдвижению Вильсона кандидатом в президенты от демократической партии. Босс Мэрфи, поддерживая кандидатуру конгрессмена Клэрка, старался изолировать Рузвельта и не включил его в состав нью-

* «New York Times Magazine», 27.1.1935.

йоркской делегации на национальный партийный конвент, который открылся в июне 1912 г. в Балтиморе. Рузвельт сам прибыл на конвент. Там разыгралась горячая схватка между ним и Мэрфи. 28 июня в Балтиморе начались выборы кандидата в президенты. Проголосовали четырнадцать раз. Ни один кандидат не получил полагавшихся двух третей всех голосов, но Клэрк шел впереди. При каждом последующем голосовании возрастали шансы Вильсона. Перелома на конвенте добились бывший лидер демократической партии Брайан и будущий лидер Рузвельт.

Когда Вильсон стал президентом, Рузвельту предложили на выбор несколько высоких постов в Вашингтоне. Он выбрал должность помощника морского министра. В министерстве он изумлял адмиралов и капитанов своими знаниями морского дела. Поступив в 1900 г. по желанию отца в Гарвардский университет, а не в морскую академию, о которой он долго мечтал, Рузвельт продолжал как любитель изучать морское дело. В студенческие годы он собрал большой материал о различных периодах развития флота США. Когда он стал президентом, его военно-морская библиотека, содержащая более 6 тыс. книг, около 10 тыс. брошюр и сотни картин, представляла лучшую частную коллекцию морской литературы в Америке.

В Первую мировую войну на Рузвельта возложили ответственность за проведение в жизнь морской программы. Он проявлял большую инициативу, размещал заказы на корабли еще до того, как конгресс ассигновал на них средства. Он наводил порядок во флоте, добился ликвидации практики присуждения преступников к службе на военных кораблях. «Флот, — говорил Рузвельт, — не исправительное заведение».

После вступления США в войну он вместе с адмиралом Симсом организовал, как мы уже выше отмечали, минирование выхода из Северного моря в океан. Летом 1918 г. он был командирован на два месяца в Европу. В Англии он встречался с Ллойд Джорджем и Бальфуром, а во Франции — с Клемансо и Пуанкаре. Вместе с генералом Фошем он посещал фронт. В 1919 г. он снова направился во Францию. Он наблюдал за демобилизацией американского флота в европейских водах и участвовал в работах мирной конференции в Версале.

В 1920 г. национальный конвент демократической партии выбрал Рузвельта кандидатом в вице-президенты США. Демократы в соответствии с пожеланиями Вильсона выдвигали на первое

место в предвыборной дискуссии вопрос о Лиге наций. Рузвельт высказывался за вступление США в Лигу, но говорил о ней без энтузиазма и восторга. В отличие от Вильсона он утверждал, что «Лига, возможно, не покончит с войнами, но народы требуют известного эксперимента в этом отношении».

В первой своей официальной речи как кандидат в вице-президенты США Рузвельт заявил: «Мы против роли денег в политике, мы против контроля частных лиц над финансами государства, мы против обращения с человеком, как с товаром, мы против голодной заработной платы, мы против власти групп и клик». Затем в течение трех месяцев он разъезжал по штатам, выступал в среднем по десять раз в день. Он дважды пересек страну, посетил все штаты и произнес около 800 речей. Но он не мог изменить общих условий, определивших неудачу демократической партии на выборах 1920 г.

На сороковом году жизни здорового и цветущего Рузвельта постигла большая трагедия. Отдыхая с семьей в своем коттедже на острове Кампобелло, он в августе 1921 г. сильно простудился, выкупавшись по обыкновению в холодной и бурной воде залива Фанди. Болезнь приковала его к постели. Его тело ниже талии оказалось парализованным. Жизнь Рузвельта одно время была в опасности. Врачи установили у него детский паралич.

На протяжении многих лет своей болезни Рузвельт проявлял большое терпение и железную волю. Он никогда не мирился с мыслью, что ему суждено дожить пассивно остаток своих дней. Даже в первый период, когда определенных перспектив на улучшение не было, он не бесполезно проводил время. Его голова оставалась ясной. Он много читал и вел обширную корреспонденцию с деятелями его партии в различных частях страны.

Три года настойчивого лечения восстановили общее состояние его здоровья, но паралич ног остался.

Летом 1924 г. он появился на костылях на трибуне национального конвента демократической партии, состоявшегося в Нью-Йорке, и произнес речь в пользу кандидатуры Смита в президенты США. Осенью того же года он узнал, что в Уорм-Спрингсе штата Джорджия находится теплый источник, помогающий страдающим детским параличом. Он направился туда, ежедневно часами просиживал в теплой воде, стараясь движениями оживить атрофированные ноги. Постепенно мускулы ног крепили, и он начал в этой воде плавать. После трехмесячной тренировки

он оставил костыли. Через год он мог управлять автомобилем и ездить верхом. Рузвельт по два раза ежегодно посещал Уорм-Спрингс, который он превратил в образцовый санаторий для больных детским параличом, потратив на это около половины своего состояния.

Летом 1928 г. он направился в Хьюстон штата Техас на национальный партийный конвент, где успешно провел губернатора Смита кандидатом в президенты США. Рузвельт ходил, опираясь только на палку. К его ногам были привязаны стальные пластинки.

По мере приближения президентских выборов 1928 г. вырисовывались сомнительные перспективы для кандидата демократической партии. Смит не был уверен даже за свой штат Нью-Йорк. Этот крупнейший штат, в котором живет свыше 10% населения страны, играет особую роль в выборах президента. За последние пятьдесят лет был всего один случай, когда кандидат в президенты победил на выборах, не имея за собой Нью-Йорка.

Смит считал, что он обеспечит победу демократов в Нью-Йорке, если вместе с баллотировкой его кандидатуры в президенты Рузвельт будет баллотироваться в губернаторы штата. Рузвельт категорически отказался. Врачи, запретившие ему пока вернуться на север и утверждавшие, что климат Нью-Йорка ему противопоказан, обещали, что если он проведет еще две зимы в Уорм-Спрингсе, то освободит свои ноги от стальных пластинок. После долгих телефонных разговоров и переписки Рузвельт послал из Уорм-Спрингса окончательный отказ Смицу: «К великому сожалению, — писал он, — должен подтвердить мое решение не согласиться с выдвижением моей кандидатуры, и я знаю, что ты меня поймешь»*. Смит не успокоился и сообщил ему по телефону, что — хочет ли он или нет — партийная конференция штата все равно выдвинет его кандидатуру. Рузвельт уступил и стал губернатором. Его ноги навсегда остались больными.

Смит напрасно старался. Рузвельт получил большинство на выборах губернатора Нью-Йорка, а кандидат в президенты от демократической партии собрал лишь 47,5% поданных в штате голосов.

Исход президентской кампании 1928 г. расценивался в США как катастрофа для демократической партии. Это было самое

* *F. Pickard. The Roosevelts and America, London 1941, p. 165.*

крупное поражение в вековой истории демократов. Победа республиканцев в таких традиционно верных демократам южных штатах, как Флорида, Северная Каролина, Виргиния и Техас, широко комментировалась в печати как начало конца старой партии Джефферсона. В отчаянии Смит заявил, что после четверти века активной политической жизни он никогда больше не согласится с выдвижением своей кандидатуры на выборную должность.

Рузвельт был одним из немногих руководящих деятелей демократической партии, которые в те дни не растерялись. Со свойственным ему юмором он заявлял, что сам будет голосовать за Гувера, когда тот выполнит свое обещание и «изгонит нищету из страны».

За последние шестьдесят лет каждый губернатор Нью-Йорка рассматривался как потенциальный кандидат в президенты США. В обстановке 1928 г. победа Рузвельта блеснула как единственный луч надежды для демократов. В дальнейшем прогрессивные мероприятия губернатора Нью-Йорка, проведенные в условиях дискредитации президента Гувера увеличили популярность Рузвельта в стране. В 1930 г. Рузвельта переизбрали губернатором с небывалым большинством голосов. Впервые демократы получили большинство в штате — за пределами города Нью-Йорка. В президентскую кампанию 1932 г. Рузвельт уверенно вступил в поединок с Гувером. Но прежде чем начать официальную борьбу с кандидатом республиканцев, ему пришлось преодолеть сопротивление в рядах собственной партии, и в первую очередь в партийном аппарате Нью-Йорка. Помимо оппозиции со стороны Таммани против выдвижения кандидатуры Рузвельта в президенты возражал старый партийный лидер Смит.

По мере углубления экономического кризиса и выяснения политической конъюнктуры на 1932 г. Смит начал жалеть о своем отказе навсегда от выборных должностей, декларированном после его поражения в 1928 г. В феврале 1932 г. Смит заявил, что, хотя он активно не добивается выдвижения своей кандидатуры, он не будет возражать, если демократическая партия ему предложит баллотироваться в президенты США. Между старыми друзьями — Смитом и Рузвельтом — возникло охлаждение, перешедшее затем в вражду. Вскоре Рузвельт и Смит начали олицетворять два противоположных течения — прогрессивное и реакционное — в демократической партии. На президентских

выборах 1936 и 1940 гг. Смит даже предпочел поражение демократов победе Рузвельта. В своих резких нападках Смит не гнушался словами и выражениями. Рузвельт продолжал до конца своей жизни корректно отзываться о бывшем приятеле.

В июне 1932 г. Смит направился в Чикаго, где собирался национальный конвент демократической партии. Прибыв туда, он заявил на пресс-конференции, что приехал содействовать выдвижению своей кандидатуры в президенты. Возглавлявший на конвенте кампанию в пользу Смита мэр города Джерси-Сити Гаги выступил 24 июня с декларацией, в которой утверждал, что Рузвельт не победит ни в одном штате, расположенном к востоку от Миссисипи, и что у него «нет никаких шансов быть избранным на выборах в ноябре». Рузвельт — заключала декларация — самый слабый из всех кандидатов, которые фигурируют на национальном конвенте демократической партии в 1932 г.

Рузвельт находился в это время в столице штата Нью-Йорк, в Олбани. Узнав о событиях на конвенте, он передал по телефону следующее заявление, опубликованное в тот же день от имени Фарли, избранного в Чикаго председателем Национального комитета демократической партии: «Друзья губернатора Рузвельта не прибыли в Чикаго для того, чтобы критиковать, поносить или оклеветать кого-либо из демократов из любой части страны. Это, я уверен, достаточный ответ на заявление мистера Гаги»*.

Первого июля 1932 г. национальный конвент демократов выбрал кандидата в президенты. Из 94 делегатов Нью-Йорка за Рузвельта голосовали только 31. Но он получил 945 из всех 1 154 голосов конвента.

До сих пор биография Рузвельта действительно ничем особенно не выделялась на общем фоне биографий крупных политических деятелей в Америке. Но к этому времени у Рузвельта окончательно выработалось свое мировоззрение, свои взгляды на американский капитализм и на политическую жизнь США. Он долго накапливал опыт, знания и мысли и берег их, как вдумчивый полководец для решающего сражения. Будучи губернатором Нью-Йорка в годы небывалого экономического кризиса, он имел возможность провести генеральную репетицию в важнейшем штате страны, прежде чем начать борьбу за реформы капитализма в общеамериканском масштабе. Нью-Йорк, по выражению

* *J. Farley. Behind the Ballots, New York 1939, p. 115.*

одной английской газеты, представлял для Рузвельта опытную лабораторию.

В 1932 г. Рузвельт начал свою кампанию как официальный кандидат в президенты США отказом от традиций. По существовавшему обычаю, выбранный кандидат формально оповещался об этом через месяц после закрытия конвента, а пока он должен был делать вид, что ничего не знает о судьбе своей кандидатуры. 2 июля, назавтра после избрания его кандидатом в президенты, Рузвельт, прилетев на самолете в Чикаго, выступил перед конвентом и сказал: «Пусть мое появление здесь символизирует, что я, поступая так, ломаю традиции. Пусть ломка глупых традиций станет отныне задачей нашей партии»*.

В дальнейшем он не останавливался перед критикой святой святых американских традиций. 20 января 1945 г., начиная свое четвертое президентство, Рузвельт заявил: «Американская конституция 1787 г. не была идеальным институтом. Она не идеальна еще и теперь». В более осторожной форме он выражал подобные мысли гораздо раньше. Вскоре после того, как Рузвельт стал губернатором Нью-Йорка, летом 1929 г., в разгар биржевого ажиотажа, он предупредил, что «США находятся под угрозой создания такого частного высокоцентрализованного контроля над промышленностью, который может потребовать новой декларации независимости»**.

Рузвельт был врагом устарелых порядков, в особенности тогда, когда эти порядки стояли ему на пути. Ему чужда была идея невмешательства государства в хозяйство, идея неограниченного господства монополий. Он говорил и писал о «необходимости ограничения операций спекулянта, манипулятора, даже финансиста»***.

Он выступал против старинного лозунга американской буржуазии, гласящего, что «то правительство лучше, которое правит меньше». Он утверждал еще в 1928 г., в те дни, когда «философия грубого индивидуализма» Гувера рассматривалась как библия американского капитализма, как теоретическая основа вечного процветания, что «государство, которое правительственными мероприятиями не старается разрешить новые проблемы,

* «New York Times», 3.VII.1932.

** Ibid., 5.VII.1929.

*** F. Roosevelt. Looking Forward, New York 1933, p. 35, 237.

вызванные огромным ростом населения и поразительными достижениями науки, обречено на упадок и неминуемую гибель от бездействия»*. «Что я, — повторял Рузвельт еще до начала своего президентства, — особенно подчеркиваю, настойчиво добиваюсь, — это признание того факта, что за тридцать лет XX века произошли более важные изменения во всей структуре цивилизации, чем за предыдущие триста лет»**. Отсюда он заключал: «Новые условия возлагают новые задачи на государство и на тех, которые управляют государством... Мы не можем считать себя разумными или патриотичными, если мы стараемся избежать ответственности за переустройство государства с тем, чтобы сделать его более полезным для народа и более отвечающим современным нуждам»***.

Программные выступления Рузвельта в кампании 1932 г. выходили далеко за пределы платформы демократической партии. Его мероприятия не были согласованы с партийной платформой и зачастую ей противоречили. Формально демократическая партия выдвинула Рузвельта. Фактически не она его подняла, а он ее поднял и завоевал ей такие позиции, каких она не имела в течение целого века. С 1841 до 1941 г. демократическая партия ни разу не стояла у федеральной власти более восьми лет подряд. Заканчивая свою торжественную речь на конвенте в Чикаго, Рузвельт обязался взять «новый курс» — «Нью-дил», ставший синонимом его политики. Эта политика не намечалась демократической партией. Она проводилась вопреки сильной оппозиции в конгрессе, где против президента выступали не только республиканцы, но и консервативные демократы.

Рузвельт часто апеллировал к общественному мнению США через голову конгресса, преодолевая при этом иногда оппозицию преобладающей в стране печати. Он так успешно поступал, еще будучи на посту губернатора, обращаясь к населению штата через голову законодательного собрания Нью-Йорка. С тех пор как он стал президентом, в Белом доме регулярно два раза в неделю происходили пресс-конференции, которые содействовали выяснению и популяризации его взглядов по актуальным политическим вопросам.

* *E. Lindley*. The Roosevelt Revolution. London 1934, p. 15.

** Ibid.

*** *F. Roosevelt*. Looking Forward. New York 1933, p. 315, 88.

Он был мастером доходчивых лозунгов. Его лозунги — «Забитый человек», «Нью-дил», «Арсенал демократии» и др. — вошли в политический лексикон и нашли широкое применение не только в США, но и за их пределами.

Он лично знал многих людей и поддерживал контакт с местными политическими деятелями в различных штатах и городах страны. Он завел обширное знакомство и приобрел много друзей во всех штатах еще в 1920 г., когда совершал тур по стране как кандидат в вице-президенты и побил рекорд по количеству выступлений. С тех пор он поддерживал большую переписку не только с партийными профессионалами, но и с людьми различных профессий. Когда Рузвельт стал президентом, почтовый персонал Белого дома увеличился в пять раз. Кто бы ему ни писал, кто бы к нему ни обращался, всегда получал не формальный, не трафаретный ответ. Во всех проведенных им кампаниях, где бы он ни был, он с утра до поздней ночи беседовал с людьми. Несмотря на его недуг, он разъезжал больше любого предшествовавшего ему президента США. Только за первые семь лет его пребывания в Белом доме, с 1933 г. до начала президентской кампании 1940 г., он несколько раз пересекал страну, проделал расстояние свыше 200 тыс. км по суше и более 80 тыс. км по воде. Он общался с населением прежде всего с целью получения непосредственной информации и правильного представления о проблемах и настроениях в каждом штате. «Когда сенаторы или конгрессмены посещали Белый дом, их редко спрашивали — как бывало при предыдущих президентах — о состоянии общественного мнения в представленных ими районах; им об этом сообщали. В Капитолии имела хождение поговорка: “Президент знает о наших избирателях больше, чем мы”»*.

Он обладал большой работоспособностью. Его рабочий день начинался в 9 часов 30 минут утра и редко кончался раньше 11 часов ночи. После работы он совершенно абстрагировался от серьезных дел. Его умение быстро переключаться с напряженных проблем на легкий отдых, на игру в покер и другие развлечения с друзьями сохранило ему, по словам его врачей, работоспособность на все время его президентства.

К концу первого президентства Рузвельта его авторитет настолько возрос, доверие к нему настолько усилилось, что стали

* *S. High. Roosevelt — and Then? New York 1937, p. 88.*

популярными в стране рассуждения: «Мы за то, за что президент» и что «Упорствующие сенаторы и конгрессмены были осуждены своими избирателями за оппозицию к президенту»*. В вашингтонских кругах Рузвельт был известен под различными кличками: «Хозяин», «Глава», «Тот человек», «Ф. Д. Р.» (Франклин Делано Рузвельт), «Мистер Большой» и «Великий Белый отец».

Рузвельт тщательно и осторожно подбирал ближайших сотрудников. Из тысяч друзей он особенно доверял нескольким своим старым помощникам. Во главе своего секретариата он поставил Гоу, с которым он познакомился, когда был сенатором Нью-Йорка, как с корреспондентом газеты «New York Herald» в Олбани. С тех пор эти два человека не расставались. В течение четверти века, до своей смерти в 1936 г., Гоу был интимным другом и помощником Рузвельта. Он жил у Рузвельта как член его семьи. Он держал Рузвельта в курсе политических событий и вел его обширную корреспонденцию во время его длительной болезни. Помощниками Гоу были назначены также бывшие газетные работники Эрли и Макинтайр. Оба завоевали его доверие еще во время Первой мировой войны. Оба они сопровождали Рузвельта в его поездке по стране в 1920 г. Гоу, Эрли и Макинтайр, как правило, беседовали с президентом еще до начала официального рабочего дня в спальне Рузвельта. После смерти Гоу ближайшим другом президента считался Гарри Гопкинс. Гопкинс время от времени проживал в Белом доме. Он был доверенным президентом для выполнения не только внутривнутриполитических, но и особо важных внешнеполитических поручений. Гопкинс работал с Рузвельтом еще в Нью-Йорке.

В первые годы своего президентства Рузвельт широко пользовался советами ученых. Ученые, группировавшиеся вокруг него, были названы, как мы дальше увидим, «мозговым трестом». Многих из них он знал со времени пребывания в Гарвардском и Колумбийском университетах. В особенности следует отметить его близкого друга и многолетнего советника Самуила Розенмана, члена верховного суда Нью-Йорка. Раньше в Олбани, а потом в Вашингтоне Розенман считался неременным консультантом Рузвельта по важнейшим политическим вопросам.

Подбор официальных помощников, назначение которых санкционируется сенатом, труднее подбора интимных советников.

* Ibid., p. 89.

Рузвельт с самого начала составил работоспособный кабинет, который в основном сохранился почти до его смерти. Важнейший министерский пост он поручил сенатору из Теннесси Хэллу. Назначением Хэлла государственным секретарем Рузвельт проложил известный мост к консервативным, так называемым южным, бурбонам, играющим большую роль в демократической партии и в сенате США. Хэлл помог выдвижению кандидатуры Рузвельта на национальном конвенте 1932 г. в Чикаго. Он считался специалистом по вопросам торговли и тарифов, по которым у него были общие взгляды с Рузвельтом. Он оставался государственным секретарем до конца третьего президентства Рузвельта.

После государственного департамента вторым по важности федеральным ведомством считается казначейство. Секретарем казначейства (министром финансов) Рузвельт назначил вначале своего друга Вудина. Вудин был директором банка в Нью-Йорке и президентом крупнейшей промышленной компании. Он был одним из немногих именитых богачей, выступавших против Гувера, и одним из трех лиц, внесших по 10 тыс. долл. в фонд «Друзья Франклина Д. Рузвельта» для проведения предвыборной кампании в 1932 г. До 1928 г. Вудин был республиканцем. Потом он перешел на сторону демократов. В Вашингтоне Вудин не мог долго идти в ногу с «Нью-дил». В 1934 г. его заменил Моргентау, который занимал должность министра финансов около двенадцати лет и ушел в отставку лишь после смерти Рузвельта.

Раньше, когда Рузвельт был губернатором, Моргентау в течение четырех лет возглавлял комиссию, разрабатывавшую большие планы по благоустройству штата Нью-Йорк. Моргентау переехал в Вашингтон в 1933 г. вместе с Рузвельтом. До смены Вудина в министерстве финансов он помогал президенту в подготовке сельскохозяйственных мероприятий, в частности по линии сельскохозяйственного кредита.

Министром труда Рузвельт назначил Перкинс и таким образом впервые в США ввел женщину в состав правительственного кабинета. Перкинс ведала вопросами труда в Нью-Йорке, когда Рузвельт был губернатором. Она была бессменным министром труда президента Рузвельта.

Портфели министров внутренних дел и сельского хозяйства Рузвельт предоставил прогрессивным республиканцам — Икесу и Уоллесу, перешедшим в ряды демократов. На выборах 1932 г. группа видных республиканцев, отмежевавшаяся от Гувера

и выступавшая как прогрессивная лига, оказала существенную поддержку Рузвельту. Среди этих республиканцев числились сенаторы Норрис из Небраски, Лафоллет из Висконсина и др. Особую роль играл в этой лиге менее известный тогда Икес, высказывавшийся за Рузвельта с 1930 г. Икес прибыл в Вашингтон из Чикаго, где его называли «одиноким волком», единственным деятелем чикагского муниципалитета, которого Инсулу не удалось подкупить. Вскоре Икес стал главной опорой президента в проведении его внутренней политики, в частности в проведении программы общественных работ. Икес, как и Перкинс и Моргентау, ушел из правительства лишь после смерти Рузвельта.

Издатель сельскохозяйственного журнала в Айове Уоллес был назначен министром земледелия. Уоллес символизировал воинствующие настроения аграрного Запада. Он хорошо знал американское сельское хозяйство. Его взгляды на фермерскую проблему очень близко подходили к взглядам Рузвельта. По желанию Рузвельта в 1940 г. Уоллеса избрали вице-президентом США.

Рузвельт включил в свой кабинет и прогрессивных и консервативных, и молодых и старых государственных деятелей, представлявших в территориальном отношении важнейшие районы страны. Политически кабинет представлял коалицию «слегка, — по выражению Рузвельта, — налево от центра». Всех членов коалиции объединяла верность и привязанность к президенту. Восемь из всех десяти министерских портфелей были доверены испытанным личным друзьям Рузвельта.

Рузвельт пришел к власти в грозные для американского капитализма дни, в дни растерянности в господствующих кругах США. По мере углубления экономического кризиса, падения цен и роста безработицы усиливались по стране разговоры о возможном крахе всей капиталистической структуры в Америке. В январе 1933 г. президент Американской фермерской федерации, представлявшей наиболее консервативных фермеров зерновых районов, О'Нийл уверял сельскохозяйственную комиссию сената, что «если ничего не будет сделано для фермера, то в течение двенадцати месяцев революция в деревне неизбежна». Крупные волнения ожидалось и в городе в случае переизбрания Гувера в президенты. «Гувер не имел влияния на конгресс, и ни конгресс, ни Гувер не имели для решения внутренних проблем программы, стоящей упоминания. Уолл-стрит излил свой гнев и проявил свое смятение в нападках на конгресс, а крупные капиталисты начали

осмотрительно поговаривать о необходимости диктатуры»*. У республиканцев существовало одно, верное, по их мнению, средство — увеличение полицейских сил**.

В этой обстановке Рузвельт принимал чрезвычайные меры, применял «военные, — по его выражению, — методы»***. Чрезвычайные мероприятия, проведенные Рузвельтом в первые месяцы его президентства, мы рассмотрим ниже. Рузвельт говорил о них как об экспериментах, диктуемых исключительными обстоятельствами, в определенном успехе которых он не уверен. Многие его мероприятия носили временный, скоропреходящий характер. Но его высказывания о «переустройстве государства» относились к идеям далеко идущих реформ в капиталистической Америке.

Мы видели, как Рузвельт выступал против произвола концентрированного капитала, против гуверовской «философии грубого индивидуализма». Еще до выдвижения его кандидатуры в президенты, даже до возникновения кризиса 1929 г., он говорил о большой опасности, которую таит в себе «концентрация экономической силы в нескольких руках». В отличие от школы Гувера, утверждавшей, что достаточно обеспечить «просперити» на вершине социальной пирамиды США, для того чтобы самотечком улучшалось благосостояние всей страны, Рузвельт твердил, что государство обязано постоянно и непосредственно заботиться о материальных условиях населения, образующего основу социальной пирамиды в Америке. Констатируя несправедливое распределение национального дохода в США, Рузвельт считал, что правительство не может относиться к этому положению безразлично.

Свои взгляды он пытался раньше проводить в важнейшем штате и делать его показательным для других штатов****. Будучи губернатором Нью-Йорка, он выдвигал программу социального страхования, помощи сельскому хозяйству, восстановления лесов и создания условий для переселения части людей из города в деревню, жесткого контроля над предприятиями общественных услуг и общественного владения гидроэлектростанциями.

* *E. Lindley. The Roosevelt Revolution, London 1934, p. 20, 66, 18–19.*

** *M. Childs. They Hate Roosevelt, New York 1937, p. 7.*

*** *E. Lindley. The Roosevelt Revolution, p. 49.*

**** *F. Roosevelt. Looking Forward, New York 1933, p. 67.*

На взгляды Рузвельта оказывали влияние идеи третьего президента США Джефферсона. «Три человека в нашей истории, — писал Рузвельт, — особо выделялись универсальностью своих интересов и знаний: Вениамин Франклин, Томас Джефферсон и Теодор Рузвельт»*. Из них Джефферсона он считал самым глубоким мыслителем**. Он старался приспособить его идеи к новым условиям. Между президентствами Томаса Джефферсона и Франклина Рузвельта прошло 124 года.

Джефферсон, живя на заре капитализма в Америке, рассматривал большие европейские города с их растущим пролетариатом как большое социальное зло, которого в США, где имеется много свободных, плодородных земель, можно избежать. Франклин Рузвельт считал, что электричество, способное трансформировать энергию на большое расстояние, дает возможность рассредоточить промышленность и таким образом разгрузить перенаселенные города.

В начале 1933 г. Рузвельт писал: «Как государство мы только начинаем подходить к вопросу о возможности разнообразить нашу индустриальную жизнь переводом большей части промышленности в сельскохозяйственные районы. Дешевая электрическая энергия, хорошие дороги и автомобили делают такое сельско-промышленное развитие возможным»***.

Позже, в 1936 г., в своем обращении к международной энергетической конференции Рузвельт утверждал, что перегруженные и перенаселенные фабрично-заводские районы, сложившиеся в эпоху господства парового двигателя и продолжающие существовать в наши дни, становятся анахронизмом в век электричества, когда источник энергии может быть расположен вдали от места производства промышленных изделий.

Он говорил о городах и промышленных уголках без дыма и копоти, как Мэсон-Сити в штате Вашингтон. Мэсон-Сити — город без труб: он освещается, отапливается и снабжается электричеством для других надобностей из станции, расположенной вне города.

Рузвельт рассматривал электричество как средство для кардинального переустройства быта в городе и в деревне. Как губер-

* Ibid., p. 11.

** Ibid., p. 12.

*** Ibid., p. 66.

натор и как кандидат в президенты США, он твердил, что «вопрос об энергии, о производстве и распределении электричества является важнейшей общегосударственной проблемой».

Со времени его избрания сенатором Нью-Йорка Рузвельт выступал за развитие гидроэлектростроительства и за общественное владение гидроэлектростанциями. Он выступал против Инсула и других магнатов, контролирующих с помощью держательских компаний предприятия общественных услуг*.

Вопрос об энергетических трестах, занимавших значительное место в президентских кампаниях 1928 и 1932 гг., выходил за рамки чисто партийного спора. В нем ярче, чем в других вопросах, вырисовывались контуры различных линий американского капитализма — линии реакции и линии реформ, линии Гувера и линии Рузвельта.

Свою программу «переустройства» государства Рузвельт рассчитывал осуществить в течение десятилетий. Он говорил, что «Джефферсон вынужден был бороться двадцать лет за торжество своих идей. Возможно, что такое же время потребуется на обуздание власти крупных финансовых компаний в наши дни»**. Собираясь стать президентом, он писал: «Я думаю и надеюсь, что все хорошие американцы думают не только о нас и о нашей жизни. Мы думаем, я уверен, о наших детях и внуках. Наша святая обязанность передать им города, деревни, графства, штаты и государство, которые не будут жерновами на их шеях»***.

Верил ли Рузвельт в возможность коренной реконструкции экономики и быта городов и сел, не меняя общественно-политической структуры в Америке? В своем упомянутом обращении к международной энергетической конференции в 1936 г. Рузвельт сказал: «Это не нелогично — верить, что в нашем овладении электрической энергией кроется потенциально соответствующая промышленная и социальная революция; возможно, что эта революция уже происходит, но мы ее не осознаем»****.

Трудно сказать, что Рузвельт подразумевал в данном случае под революцией; все его планы предполагали не революцию, а реформы.

* *F. Roosevelt*. Looking Forward, New York 1933, p. 144.

** *F. Farley*. Behind the Ballots, New York 1939, p. 347.

*** *F. Roosevelt*. Looking Forward, New York 1933, p. 105–106.

**** *M. Ramsay*. Pyramids of Power, Indianapolis 1937, p. 297.

Рузвельт относился лояльно к рабочим и рабочему движению. Но он высказывался за них не потому, что был против капитализма, а потому, что был за него. В интересах же капитализма он пытался обуздать отдельных капиталистов. В первые дни своего пребывания в Белом доме он имел беседу с президентом Стального треста Тэйлором и председателем совета директоров Вифлеемской стальной корпорации Швабом. Он им говорил, что такое положение, когда рабочие влачат жалкое существование и в то же время доходы некоторых руководителей треста доходят до одного миллиона долларов в год, дискредитирует крупный капитал и что если сами капиталисты ничего не предпримут для улучшения условий жизни рабочих, то правительство вынуждено будет вмешиваться*. Рузвельт просил передать президенту Вифлеемской корпорации Грейсу, что «он больше никогда не будет иметь миллион долларов в год дохода»**. Рузвельт считал, что многие капиталисты ведут себя нехорошо, но что сам капитализм плох только в таком виде.

Рузвельт писал, что реакция — провокация, а не барьер против радикализма, что радикализму следует противопоставить «реальную программу реконструкции»***. Вся его программа реформ, рассредоточения промышленности и разгрузки городов объяснялась в конечном итоге стратегией сохранения капитализма.

В основе осуществления его идей лежало планирование производства. Он говорил, что «одобряет плановую экономику не только на этот период, но и надолго в будущем»****. Его начинания в области планирования промышленности, как увидим дальше, не увенчались успехом. Он имел возможность на опыте убедиться, что капитализм, смягчая одну проблему, обостряет другую.

Хотя Рузвельт не признавал, что капитализм вообще не в состоянии разрешить основные социальные проблемы, он признавал, что капитализм в существующем его виде приносит много зла. Стараясь его исправить, реформировать, он действовал смело и решительно, пользуясь прогрессивными методами. Он открыл выход большим потенциальным социальным силам в Америке. Орган республиканской партии утверждал, что за двенадцать лет

* *F. Farley*. Behind the Ballots, New York 1939, p. 347–348.

** *S. High*. Roosevelt — and Then? New York 1937, p. 21.

*** *F. Roosevelt*. Looking Forward, New York 1933, p. 10.

**** Ibid., p. 13.

Рузвельт «внес больше изменений в американское государство, чем это имело место за предыдущие 150 лет»*.

Рузвельт стал президентом 4 марта 1933 г. 23 июля 1934 г. товарищ Сталин в беседе с Г. Уэллсом сказал: «Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура»**.

12 апреля 1945 г. Рузвельт умер. Товарищ Сталин, выражая глубокое соболезнование правительству США, заявил: «Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»***.

* «New York Herald Tribune», 13.IV.1945.

** *И. Сталин*. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 601.

*** «Правда» от 13 апреля 1945 г.